

• ПЕТРОРОМАН •

Црина Лобусова

Жаджибейского
КОПИ
ЛИМАНА

Харьков
«Фоліо»
2019

ГЛАВА 1

*Финдиректор мыловаренного завода. Леночка.
Обыск. Отчаяние прожженного мошенника*

ОДЕССА, 4 марта 1926 года

Финдиректор Одесского мыловаренного завода Пал Кузьмич распахнул дверь канцелярии и выпустил наружу застоявшийся, спертый воздух. Служебные помещения проветривались редко — из-за панического страха Павла Кузьмича, больше всего на свете боявшегося сквозняков, фининспекций и незапланированных посетителей.

Когда над ним посмеивались, он надевал самое серьезное лицо, становился в позу поверженного императора и невероятно трагическим голосом произносил: «Копейка счет любит, да убоится во-

ров и сквозняков». И если б не две «чистки» подряд, которые Пал Кузьмич выдержал с честью назло вредоносной контре, засевшей в дебрях мыловаренного завода, эта присказка стоила бы ему нескольких литров испорченной крови — а может, и больше.

Мнения сослуживцев всегда разделялись. Одни считали эту поговорку старообрядческой, вторые — старорежимной, а третьи утверждали с пеной у рта, что так когда-то говорили эсеры. Впрочем, кто такие «эсеры», скромные служащие одесской мыловарни, конечно, если и знали, то уже подзабыли. Просто второй помощник счетовода вычитал это слово в старой газете в общественном туалете, случайно завалившейся за ржавый бачок, и с тех пор щеголял интеллектом — перед всеми подряд.

Впрочем, сослуживцы Пал Кузьмича не трогали, хоть и не любили. Среди всех сотрудников завода он был самым ценным, потому что только у него мог сойтись дебет с кредитом в очень сжатые сроки, причем без дополнительных источников финансирования. Свою же нелюбовь они выражали тем, что бессовестно сокращали красивое имя Павел, превратив в безликое Пал, словно подчеркивая, что красивого имени финдиректор недостоин. Но самому Павлу Кузьмичу было на это плевать.

Павел Кузьмич считал себя мужчиной в самом расцвете сил. Несмотря на то что ему уже стукнуло

52 года, он безбожно врал окружающим, что ему и 43-х нет. Он красил волосы секретным раствором, купленным в аптеке по большому знакомству у помощника фармацевта, и молодился изо всех сил. Проявлялось это в том, что Пал Кузьмич проходу не давал всем сотрудницам завода моложе 35-ти, абсолютно уверенный в том, что все дамочки считают его совершенно неотразимым.

Дамочки морщились, кривились, но слать откровенно и прямо не смели. Все-таки Пал Кузьмич был у начальства в почете — так сказать, особой, приближенной к самым верхам. Но и толку в заигрываниях его никогда не было. Дамочки, если не успевали исчезнуть, позволяли ущипнуть себя за мягкое место и, скривив жуткую гримасу, которую он принимал за восторженное мление, убегали на занятия в кружки пролеткульта, вечерние школы, заседания комитетов... В общем, убегали.

Не задумываясь о таком повальном бегстве особ женского пола при одном только его появлении, Пал Кузьмич в мыслях считал себя кем-то вроде пришедшего на землю второго Адониса. Кто это такой, Пал Кузьмич не знал, но когда-то в кружке пролеткульта ставили что-то греческое, и там он услышал это слово. Оно ему чрезвычайно понравилось, и с тех пор Пал Кузьмич стал называть себя только так.

В последнее время это название мысленно звучало в диалоге Павла Кузьмича с самим собой все

чаще и чаще, потому что мысли его занимало очень важное дело.

Делом этим была секретарша Леночка — вернее, временная секретарша, присланная на замену ушедшей в отпуск по болезни старой и противной Таисии, которая своим ворчанием и дотошной скрупулезностью в делах нагоняла на Павла Кузьмича нервозность и тоску. Леночка была восхитительной тоненькой красоткой лет 25-ти, с огромными карими глазами и короткой стрижкой. Она была яркой брюнеткой, что особенно нравилось Павлу Кузьмичу, умела обворожительно улыбаться и очень внимательно слушать, а в смехе ее звучали тысячи колокольчиков, от которых он улетал прямо под небеса на крыльях неземной любви. Чудо-Леночка пять дней назад пришла работать лично к нему и была единственной, на кого чары Павла Кузьмича подействовали безоговорочно и сразу.

Так, уже на второй рабочий день она отправилась с Павлом Кузьмичом на свидание. Он шиканул вовсю, отвезя девушку в ресторан на Дерибасовской на таксо. Вечер, который влетел скупому финдиректору в копеечку, прошел блестяще. Думая, что Леночка отработает потраченные на нее деньги, Пал Кузьмич потребовал продолжения банкета в номерах. Но девушка состроила обиженную мину и умело поставила его на место. Она заявила, что просто потеряла голову от столь блестящего муж-

чины, а в состоянии серьезного шока не способна упасть в его объятия. Павел Кузьмич растаял и отвез Леночку на таксомоторе домой.

Жила она в дебрях Молдаванки, достаточно далеко от центра. И скупой финдиректор мучительно страдал с того самого момента, как блестящий новенький таксомотор стал спускаться со Старо-конки на Балковскую.

На следующий день снова был ресторан, и снова Леночка устроила от ворот поворот с таким шиком, что, поцеловав краешек ее густо накрашенных губ, Пал Кузьмич был неспособен даже выразить свое недовольство.

Но, вернувшись домой, в свою убогую холостяцкую берлогу, в которой почему-то не желала поселиться ни одна женщина, он решил, что обиделся, и даже осмелел настолько, что попробовал Леночке отомстить. В третье их свидание они гуляли по Дерibasовской, держась за руки, как гимназисты из прошлой жизни, что смотрелось несколько нелепо для возраста Павла Кузьмича. Было холодно, пошел промозглый, противный дождь, в воздухе висела отвратительная одесская сырость! Гулять было ужасно неуютно и даже опасно для здоровья. И когда продрогшая Леночка, хлюпающая сопливым носом, посмела предложить зайти погреться в чайную на Екатерининской, выпить чаю или теплого молока, Пал Кузьмич гордо заявил, что ему задерживают зарплату и денег нету.

В правом кармане пиджака при этом у него лежал бумажник, в котором была ровно тысяча червонцев. Эту тысячу из черной кассы Пал Кузьмич еще не успел перепрятать в свои закрома. Дело в том, что воровал финдиректор по-черному, обчищал мыловаренный завод до мыльной пены, для чего в потайном месте, под половицей в канцелярии, у него лежали двойные счетные конторские книги.

Эту тысячу Пал Кузьмич намеревался потратить на кутеж в заведении под названием «Лучшая баня». Открытое на Пересыпи, к бане оно не имело, конечно, никакого отношения — это был самый настоящий бордель. Как натура прагматичная, привыкшая просчитывать все на корню, Пал Кузьмич прикинул, что свои честно ворованные деньги лучше потратить на проститутку в бане, от которой он гарантированно получит то, что ему нужно. А с порядочной Леночкой можно гулять под ручку и без сельтерской, раз уж она такая, и тратить деньги на нее нет никакого толку.

Леночка обиделась. Особенно, когда сказала, что от холода и дождя у нее разболелось горло, а Пал Кузьмич посадил ее на трамвай, вместо того, чтобы довезти в таксо. Но уже на следующий день она заявила, что страшно соскучилась, и назначила Павлу Кузьмичу интимное свидание прямо перед началом рабочего дня. Он просто не поверил сво-

им ушам, когда Леночка так и заявила: интимное свидание!

До назначенного времени оставалось часа полтора, и Пал Кузьмич решил заняться тем, чтобы внести данные в свои левые книги и перепрятать их понадежнее — вместе с наличными.

Итак, распахнув дверь душной канцелярии, Пал Кузьмич потоптался на пороге, стряхивая с потрепанной жизнью тужурки капли густой утренней влаги. Стоял туман. Где-то вдалеке тоскливо выламывая маяк, и это заунывное подвывание мешало Палу Кузьмичу настроиться на необходимый романтический лад и навевало тоску. Воздух был просто-таки перенасыщен влагой. Казалось, перед Палом Кузьмичом стоит плотная водяная стена, усиливая ощущение холода, забивая нос, рот, глаза липкими, тяжелыми каплями. Влагой промозглого утреннего тумана были пропитаны его волосы и одежда. Переехав в Одессу уже лет пять назад из центральной полосы России, Пал Кузьмич все не мог привыкнуть к одесской влажности. Сырой климат раздражал его, и он никак не мог смириться с туманами и с застывшей в воздухе водой, а оттого ворчал все больше с каждым днем, неспособный уже сдерживаться даже при потенциальных кандидатках в жертвы его обворожительной внешности.

Внутри канцелярии Пал Кузьмич быстро растопил печку и, развесив сушиться на чугунной

буржуйке мгновенно промокшую тужурку, закрыл дверь и запер ставни. В свете лампы, горящей вполнакала, он отогнул третью половицу с левой стороны и открыл нечто вроде углубленного тайника, где были тщательно спрятаны два ящика из нержавеющей стали. В одном были фальшивые конторские книги, с помощью которых Пал Кузьмич обворовывал мыловаренный завод. В другом ящике хранились наличные червонцы. Этот ящик он отпер первым и тщательно спрятал в него остаток суммы от посещения борделя-бани и кутежа в компании целых двух проституток, на которых расщедрился по принципу «гулять так гулять». Порядочная Леночка с ее теплой ручкой, доверчиво продетой ему под локоть на туманной Дерибасовской, таких денег, конечно же, не стоила.

Мало кто из сослуживцев догадывался о подпольных аферах Павла Кузьмича. Крал он безбожно, но со вкусом и изящно. Если в производстве не досчитывались определенных сумм, их списывали на рабочие потери и прочие непредвиденные расходы. Постепенно кубышка Павла Кузьмича распухла до таких размеров, что уже не помещалась в стальном ящике. И он уже всерьез подумывал о том, что надо бы заказать ящик побольше да сделать второй тайник — возможно, под половицей под окном.

Робкий стук в дверь вырвал Павла Кузьмича из приятных мечтаний о втором ящике. Быстро